

Замѣтки о Пушкинѣ.

I.

Одна изъ первыхъ редакцій пьесы „Къ живописцу.“

Въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ лицейѣ находится интересный памятникъ юныхъ лѣтъ Пушкина—ноты романса, написаннаго на слова Пушкина „Къ живописцу“ на старательно разграфленной, отъ руки, нотными линейками, бумагѣ альбомнаго формата, сложенной пополамъ. На первой страницѣ четко выведено:

„Romance avec accompagnement du Piano, dédiéee à Mademoiselle de Vasouphine“. Внизу приписано карандашемъ: „Трудами Императорской Царско-Сельской Лицеи“ (sic!)¹⁾.

Четвертая страница не заполнена, а на 2—3 находятся текстъ и ноты, подписанныя: „par N. Cossakoff“. Первый куплетъ пьесы записанъ подъ нотами, безъ знаковъ препинанія. Приводимъ текстъ, сохраняя орфографію.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя харить и вображенья
Въ порывѣ пламенной души
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши²⁾

¹⁾ „Лицея“—выраженіе, которое Пушкину не нравилось; онъ писалъ въ 1816 г. князю П. А. Вяземскому: „Лицей или Ликей, только, ради Бога, не *лицея*“... Объ этомъ словѣ см. Д. Θ. Кобеко, „Имп. Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы (1811—1843)“. Спб. 1911, стр. 21.

²⁾ „Напиши“ повторено еще два раза. При пѣніи повторялось такимъ образомъ послѣднее слово каждаго куплета.

Красу невинности небесной,
 Надежды мпल्या черты,
 Улыбку душеньки прелестной,
 И взоры самой Красоты.

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
 Венеринъ поясъ обвяжи;
 Сокрытой прелестью Альбана
 Мою царицу окружи.

Представь мечту любви стыдливой
 И той, которою дышу,
 Рукой любовника счастливой.
 Въ низу я имя подпишу.

Пушкинъ.

Романсъ этотъ—единственное дошедшее до насъ музыкальное произведеніе безвременно угасшаго лицейскаго товарища Пушкина Н. А. Корсакова¹⁾. Прежде романсъ приписывался²⁾ другому лицейскому композитору, М. Л. Яковлеву, но изъ подлинника видно, кто его авторъ. Что касается до текста, то онъ представляетъ собою раннюю редакцію пьесы, близко сходящуюся съ той, которая записана въ 2364-ой тетради Румянцовскаго музея (тѣ же разночтенія въ 1-мъ стихѣ перваго куплета и 1 и 3-мъ стихѣ втораго). Въ нашей редакціи нѣтъ одного куплета, но онъ, можетъ быть, принесенъ въ жертву стыдливости („Прозрачны волны покрывала накинъ на трепетную грудь“...).

Пьеса относится къ 1815 году; къ тому же году долженъ быть отнесенъ и романсъ. Пушкинъ былъ тогда страстно влюбленъ въ Е. П. Бакунину. По разсказу Комовскаго³⁾, романсъ распѣвался „первокурсными“ до самаго выхода изъ лица.

II.

Отвѣтъ Вигелю.

Переселившись изъ Кишинева въ Одессу, Пушкинъ оставилъ въ Кишиневѣ нѣсколько друзей, жалѣвшихъ о его отъѣз-

¹⁾ О немъ см. у Н. А. Гастфрейнда, „Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею“, т. I, Спб. 1912, стр. 399—454.

²⁾ Сочин. Пушкина, изд. Авненкова, II, 94; Записки С. Д. Комовскаго (Я. К. Гротъ „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб., 1899, стр. 220).

³⁾ Гротъ, *ibid.*

дѣ. Первый изъ нихъ былъ благодушный начальникъ поэта, И. Н. Инзовъ, который жаловался Ф. Ф. Вигелю: „зачѣмъ онъ меня оставилъ?... Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ, и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему“.

„Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца“—передаетъ Вигель¹⁾),—„хотя я и не вѣрилъ имъ, трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не прїѣдетъ потѣшить старика, умоляя его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣститъ насъ. И онъ въ половинѣ марта²⁾ прїѣхалъ недѣли на двѣ... и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ прїѣздомъ. Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала, не весьма въ безызвѣстности, гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая но не молоденькая дочь, при крещеніи получившая миеологическое имя Калипсо“... И тутъ Вигель рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Калипсо, о которой говорили „что лѣтъ пятнадцати будто бы впервые познала она страсть въ объятіяхъ лорда Байрона“, и которой Пушкинъ посвятилъ извѣстное посланіе: „Ты рождена воспламенять“... Но изъ словъ Вигеля: „не весьма въ безызвѣстности“ видно, что онъ зналъ о Калипсо еще до своего личнаго знакомства съ нею. Нельзя сомнѣваться, что имя Калипсо было названо Вигелемъ въ перечнѣ всѣхъ женщинъ, которыми увлекался Пушкинъ въ Кишиневѣ. На это указываетъ другой рассказъ Вигеля³⁾), относящійся къ тому же случаю.

„Въ Кишиневѣ жила одна гречанка Калипсо, коей блистательныя очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившагося тогда въ ссылкѣ. Въ 1824 году одинъ хорошій знакомый его⁴⁾ изъ Кишинева писалъ къ нему въ Одессу и именемъ этой Калипсо умолялъ его посѣтить мѣсто его жительства, называя его странствователемъ-Телемакомъ. Въ отвѣтъ вотъ что, между прочимъ, сказалъ онъ ему стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучилъ, о друзья!
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

¹⁾ Записки, ч. VI, М., 1892, стр. 152.

²⁾ 1824 г.

³⁾ Въ статьѣ-письмѣ „Москва и Петербургъ“ („Рус. Арх.“ 1893 г., II, 576).

⁴⁾ Вигель говоритъ о себѣ самомъ.

Онъ ея не зналъ, выросъ въ Царскомъ Селѣ, жилъ въ Петербургѣ и сосланъ былъ въ Южную Россію; но, въ душѣ патриотъ, одну Москву почиталъ отчизной“.

Письмо Вигеля, которое необходимо приурочить къ февралю— началу марта 1824 г. ¹⁾, до насъ не дошло. Письменно или на словахъ „сказалъ“ ему Пушкинъ свой отвѣтъ стихами, неизвѣстно; вѣрнѣе, что на бумагѣ, такъ какъ Пушкинъ вообще не говорилъ экспромптовъ въ стихахъ. Самое сравненіе Пушкина съ Телемакомъ было навѣяно Вигелю не только подневольными странствованіями Пушкина, но и его отношеніями къ Калипсо. Въ своихъ запискахъ ²⁾ Вигель указываетъ даже на курьезное совпаденіе—связь этой новой Калипсо съ настоящимъ Телемакомъ, княземъ Ханджери. За давностью лѣтъ ³⁾ Вигель, быть можетъ, искажилъ немного стихи, которые привелъ по памяти. Во всякомъ случаѣ, собирателямъ поэтическаго наслѣдія Пушкина не слѣдуетъ упускать ихъ изъ виду.

По родной Москвѣ, „Москвѣ-Итакѣ“, Пушкинъ, оставившій ее еще ребенкомъ, тосковалъ въ своемъ изгнаніи, даже больше, чѣмъ по Петербургѣ, съ которымъ для него связывалось немало тяжелыхъ воспоминаній. 6 февраля 1823 г. онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому, жившему тогда въ Москвѣ: „я къ тебѣ бы пріѣхалъ, да мнѣ все идетъ наперекоръ“, а въ слѣдующемъ письмѣ (6 апрѣля) печально сообщалъ ему: „мои надежды не сбылись, мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ“... Зато съ какимъ волненіемъ увидѣлъ онъ родной городъ нѣсколько лѣтъ спустя! Въ „Онѣгинѣ“ (7, XXXVI) онъ разсказалъ объ этомъ:

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церковей и колоколенъ,
 Садовъ, чертоговъ полукругъ
 Открылся предо мною вдругъ!
 Какъ часто въ горестной разлукѣ,
 Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ!...

Н. Лернеръ.

¹⁾ Съ 25 декабря 1823 г. Вигель находился въ Одессѣ и возвратился въ Кишиневъ 25 января 1824 г. (Записки, VI, 118, 119, 139).

²⁾ Записки, VI, 152.

³⁾ Статья „Москва и Петербургъ“ написана въ 1853 г.